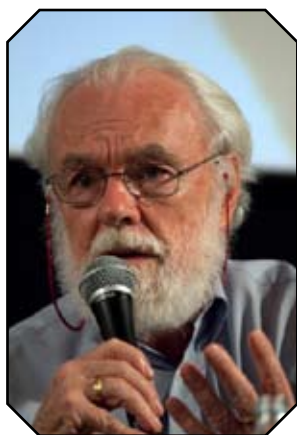


## НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Дэвид Харви

# Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений<sup>1</sup>



**ХАРВИ Дэвид** — почётный профессор Городского университета в Нью-Йорке. Адрес: США, 10016, штат Нью-Йорк, г. Нью-Йорк, ул. Пятая авеню, д. 365.

**Email:** [dharvey@gc.cuny.edu](mailto:dharvey@gc.cuny.edu)

Перевод с английского  
Николая Проценко

Публикуется с разрешения  
Изд. дома ВШЭ.

*В книге Д. Харви представлено глубокое исследование природы постмодернизма, но не столько через призму набора идей о нём, сколько как исторического состояния. Автор утверждает, что примерно с 1972 г. в культурных, а также в политико-экономических практиках произошли глобальные перемены: подъем постмодернистских культурных форм и появление более гибких способов накопления капитала. Эти перемены, по мнению автора, связаны с возникновением новых преобладающих способов переживания людьми пространства и времени, за которыми стоит новый цикл «временно-пространственного сжатия» в организации капитализма. Книга состоит из четырёх частей. В первой части профессор Харви представляет обзор доминирующих, но конфликтующих теорий о постмодернизме, а в остальных частях рассматривает связь между динамикой историко-географического развития капитализма, сложными процессами культурного производства и идеологической трансформацией.*

*Журнал «Экономическая социология» публикует десятый параграф «Теоретическое осмысление перехода» из второй части книги — «Политико-экономическая трансформация капитализма конца XX века». В нем автор показывает, что существующие теории испытывают сложности в объяснении наблюдаемого исторического перехода от фордизма к гибкому накоплению. Чтобы преодолеть эти трудности, профессор Харви предлагает вернуться к истокам и рассмотреть логику капитализма в целом через обращение к марксовым теориям.*

**Ключевые слова:** пространство; время; капитализм; постмодерн; труд; культурные изменения.

## § 10. Теоретическое осмысление перехода

Поскольку перед нами исторический переход, по-прежнему далёкий от своего завершения и, в любом случае, подобно фордизму, определённо частичный в ряде важных отношений, мы сталкиваемся с рядом теоретических проблем. Возможно ли теоретическое постижение логики, если нет самой необходимости этого перехода? В какой степени прошлые и настоящие теоретические формулировки динамики капитализма необходимо модифицировать в свете радикальных реорганизаций и реструктуризаций, которые происходят и в производительных силах, и в социальных отношениях? И можно ли убедительно представить существующий режим накопления

<sup>1</sup> *Источник:* Харви Д. (готовится к изданию). *Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений*. М.: Изд. дом ВШЭ; перев. с англ. Harvey D. 1989. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford: Blackwell.

таким образом, чтобы найти какое-то решение вопроса о направлении и последствиях того, что представляется развёртывающейся прямо на наших глазах революцией?

Переход от фордизма к гибкому накоплению действительно создал серьёзные сложности для теорий любого типа. Кейнсианцы, монетаристы, неоклассические теоретики неустойчивого рыночного равновесия, похоже, сбиты с толку не меньше остальных. Рассматриваемый переход также создал значительные проблемы для марксистов. Столкнувшись с подобными сложностями, многие комментаторы отказались от каких-либо претензий на теорию и просто обратились к погоне за данными, чтобы идти в ногу с быстрыми сдвигами. Однако и здесь возникают проблемы: какие данные являются ключевыми индикаторами, а не случайными рядами? Согласие достигнуто лишь по единственному пункту: начиная примерно с 1970 г. изменилось нечто важное в самом способе функционирования капитализма.

Первая сложность заключается в том, чтобы попытаться обособить природу наблюдаемых нами изменений. В таблицах 1, 2, 3 обобщены три недавних описания рассматриваемого перехода. Первое из них, достаточно хвалебное описание нового капитализма в книге Уильяма Халала, акцентирует позитивные и освобождающие элементы нового предпринимательства [Halal 1986]. Второе приводят Скотт Лэш и Джон Урри, и оно подчёркивает факторы властных отношений и политики применительно к экономике и культуре [Lash, Urry 1987]. Третье, отличающееся большими подробностями относительно трансформаций технологий и трудового процесса, даёт Эрик Свингедо; кроме того, это описание содержит оценку того, каким образом изменились режим накопления и его способы регуляции [Swyngedouw 1986]. Разумеется, в каждом случае приведённые противопоставления используются в качестве дидактического инструмента, подчёркивающего отличия, а не моменты преемственности; причём никто из названных авторов не утверждает, что реальная картина где-либо столь же соответствует шаблонам, как предполагают данные схемы. Однако эти схемы сигнализируют о ряде пересечений, а также о некоторых отличиях, являющихся показательными, поскольку за ними находятся совершенно разные причинно-следственные механизмы. Халал оказывается ближе к теории Й. Шумпетера о предпринимательских инновациях как движущей силе капитализма и склонен интерпретировать фордизм и кейнсианство в качестве неудачных интерлюдий в процессе капиталистического прогресса. Лэш и Урри рассматривают данную эволюцию отчасти как коллапс материальных условий для мощной коллективной политики рабочего класса и стремятся оценить экономические, культурные и политические истоки этого коллапса. Самим использованием терминов «организованный» и «дезорганизованный» для характеристики перехода они акцентируют в большей степени дезинтеграцию, нежели связность современного капитализма, и тем самым избегают прямого рассмотрения возможности перехода в режиме накопления. Свингедо, подчёркивая изменения в способе производства и промышленной организации, помещает этот переход в рамки мейнстрима марксистской политической экономии, при этом явно перенимая язык школы регулирования.

*Таблица 1*

**Новый капитализм (по версии У. Халала)**

<b>Критерий для сравнения</b>	<b>Старый капитализм (индустриальная парадигма)</b>	<b>Новый капитализм (постиндустриальная парадигма)</b>
Фронтир прогресса	«Тяжёлый» рост	Умный рост
Организация	Механистическая структура	Рыночные сети
Принятие решений	Авторитарное командование	Партиципаторное лидерство
Институциональные ценности	Финансовые цели	Множественные цели
Управленческий фокус	Операционный менеджмент	Стратегический менеджмент
Экономическая макросистема	Ориентированный на прибыль большой бизнес	Свободное демократическое предприятие
Мировая система	Капитализм против социализма	Гибридные формы капитализма и социализма

Источник: [Halal 1986].

Таблица 2

**Противопоставление организованного и дезорганизованного капитализма  
(по версии С. Лэша и Дж. Урри)**

Организованный капитализм	Дезорганизованный капитализм
Концентрация и централизация промышленного, банковского и торгового капитала в рамках регулируемых национальных рынков	Деконцентрация быстро растущей мощи корпораций вне национальных рынков. Возрастающая интернационализация капитала, в некоторых случаях — разделение промышленного и банковского капитала
Нарастающее отделение владения активами от контроля над ними и возникновение сложных управленческих иерархий	Продолжающееся расширение группы управленцев, заявляющей о собственной индивидуальной и политической повестке, весьма отличающейся от классовой политики
Рост новых сегментов управленческой, научной, технологической интеллигенции и бюрократии, принадлежащей к среднему классу	Относительное и (или) абсолютное сокращение численности рабочего класса «синих воротничков»
Рост коллективных организаций и зарплатных сделок в рамках отдельных регионов и национальных государств	Снижение эффективности национальных коллективных переговоров
Близкие формы выражения интересов государства и крупного монополистического капитала; подъём идеологии государства всеобщего благосостояния, имеющего классовую основу	Растущая независимость крупных монополий от государственного регулирования; различные вызовы централизованной государственной бюрократии и её власти
Расширение экономических империй и контроля над производством и рынками вне метрополий	Индустриализация третьего мира и конкурирующая с ней деиндустриализация стран ядра мировой экономики, которые, в свою очередь, начинают специализироваться на сфере услуг
Включение разнообразных классовых интересов в национальную повестку через достигнутые в результате переговоров компромиссы и бюрократическое регулирование	Полный упадок политики и институтов, основанных на классовом принципе
Гегемония технико-сциентистской рациональности	Культурная фрагментация и плюрализм в совокупности с подрывом традиционных классовых или национальных идентичностей
Концентрация капиталистических отношений в рамках сравнительно немногих отраслей промышленности и регионов	Распространение капиталистических отношений во многих отраслях и регионах
Господствующими сферами занятости являются добывающие и обрабатывающие отрасли промышленности	Упадок добывающих и обрабатывающих отраслей, подъём организационных и сервисных секторов индустрии
Сильная региональная концентрация и специализация в добывающих и обрабатывающих отраслях	Дисперсия, диверсификация территориально-пространственного разделения труда
Стремление к экономии от масштаба через увеличение размеров предприятий (объёмов рабочей силы)	Сокращение размеров предприятий за счёт географической дисперсии промышленности, роста субконтрактных отношений, глобальных производственных систем
Рост крупных промышленных городов, доминирующих в своих регионах благодаря предоставлению централизованных услуг — коммерческих и финансовых	Упадок промышленных городов, отток населения из центров крупных городов в периферийные или полусельские территории, результатом чего становятся острые проблемы центров больших городов
«Модернизм» как культурно-идеологическая конфигурация	«Постмодернизм» как культурно-идеологическая конфигурация

Источник: на базе работы [Lash, Urry 1987].

Таблица 3

**Противопоставление фордизма и гибкого накопления (по Э. Свингедо)**

<b>Фордистское производство (основанное на экономии от масштаба)</b>	<b>Производство «с колёс» (основанное на экономии от расширения ассортимента)</b>
<b>А. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ПРОЦЕСС</b>	
Массовое производство однотипных товаров	Мелкосерийное производство
Единообразие и стандартизация	Гибкое и мелкосерийное производство разнообразных типов продукции
Крупные резервные запасы и остатки	Отсутствие запасов
Проверка качества постфактум (брак и ошибки выявляются поздно)	Контроль качества является частью производственного процесса (немедленное выявление ошибок)
Брак прячется в резервных остатках	Незамедлительная отбраковка неисправных деталей
Потеря производственного времени в связи с продолжительными периодами наладки, неисправными деталями, ограниченным объёмом инвентаря и т. д.	Сокращение непродуктивного времени, снижение «пористости рабочего дня»
Драйвером выступают ресурсы	Драйвером выступает спрос
Вертикальная и — в некоторых случаях — горизонтальная интеграция	(Квази)вертикальная интеграция, субконтракт
Снижение издержек за счёт контроля над заработной платой	Обучение в процессе работы, интегрированное в долгосрочное планирование
	<b>В. ТРУД</b>
Рабочий выполняет одну задачу	Многозадачность
Сдельная оплата (основанная на критерии планирования рабочего процесса)	Персональная оплата (детализированная система бонусов)
Высокая степень трудовой специализации	Устранение разграничения трудовых задач
Обучение в процессе работы отсутствует или присутствует лишь в незначительной степени	Продолжительное практическое обучение в процессе работы
Вертикальная организация труда	Более горизонтальная организация труда
Отсутствие опыта обучения	Обучение в процессе работы
Акцент на снижении ответственности рабочего (дисциплинирование рабочей силы)	Акцент на участии рабочего в ответственности
Отсутствие гарантий занятости	Высокая гарантия занятости для ключевых работников (пожизненное трудоустройство). Отсутствие гарантий занятости и плохие условия труда для временных работников
<b>С. ПРОСТРАНСТВО</b>	
Функциональная пространственная специализация (централизация — децентрализация)	Пространственная кластеризация и агломерация
Пространственное разделение труда	Пространственная интеграция
Гомогенизация региональных рынков труда (пространственно сегментированные рынки труда)	Диверсификация рынка труда (локальная сегментация рынка труда)
Глобальный подбор поставщиков комплектующих и субподрядчиков	Пространственная близость вертикально квазиинтегрированных фирм
<b>D. ГОСУДАРСТВО</b>	
Регуляция	Дерегуляция и (или) ререгуляция
Жёсткость	Гибкость
Коллективные переговоры	Подразделения и (или) индивидуализация, локальные соглашения или соглашения на базе отдельных компаний

Таблица 3. Окончание

Фордистское производство (основанное на экономии от масштаба)	Производство «с колёс» (основанное на экономии от расширения ассортимента)
Социализация благосостояния (государство всеобщего благосостояния)	Приватизация коллективных потребностей и социального обеспечения
Международная стабильность, обеспечиваемая многосторонними соглашениями	Международная дестабилизация; возросшие геополитические трения
Централизация	Децентрализация и обострившаяся конкуренция между регионами и (или) крупными городами
«Субсидируемое» государство и (или) город	«Предпринимательское» государство и (или) город
Косвенное вмешательство в рынки с помощью политики в сферах доходов и цен	Прямое государственное вмешательство в рынки посредством закупок
Национальные региональные политики	«Территориальные» региональные политики (в форме третьей стороны)
Финансируемые компаниями исследования и разработки	Финансируемые государством исследования и разработки
Промышленность во главе инноваций	Государство во главе инноваций
<b>Е. ИДЕОЛОГИЯ</b>	
Массовое потребление товаров длительного пользования: общество потребления	Индивидуализированное потребление: «яппи»-культура
Модернизм	Постмодернизм
Тотальность и (или) структурная реформа	Специфичность и (или) адаптация
Социализация	Индивидуализация и общество «спектакля»

Источник: [Swyngedouw 1986].

Мне ближе интерпретация Свингедо, но если язык школы регулирования сохранился в ней лучше, чем в других, то произошло это, как я подозреваю, в силу более прагматичной ориентации. Внутри самой школы регулирования не предпринимается (или их почти нет) попыток представить какое-либо детальное понимание механизма и логики рассматриваемого перехода, и в этом видится серьёзное упущение. Чтобы заполнить этот разрыв, требуется вернуться к истокам и рассмотреть логику капитализма в целом. В этом случае, конечно же, не обойтись без К. Маркса, который построил общую теорию капитализма, проанализировав эту формацию в условиях в широком смысле конкурентного и основанного на принципе *laissez-faire* способа регулирования, существовавшего в Великобритании в середине XIX века. Обратимся поэтому к марксовым «неизменным элементам и отношениям» капиталистического способа производства и рассмотрим, в какой степени они вездесущи, несмотря на поздние наслоения пустословия и эфемерности, фрагментирование и нарушение взаимосвязей, столь характерные для сегодняшней политической экономии.

Поскольку гибкое накопление всё же является некоей формой капитализма, можно ожидать, что нам предстоит принять в расчёт ряд базовых допущений. Ранее я уже пытался резюмировать эти допущения, поэтому просто приведу некоторые наиболее значимые элементы аргументации, представленной в моей книге *«The Limits to Capital»* («Пределы капитала») [Harvey 1982]. В частности, сошлюсь на три базовые характеристики любого капиталистического способа производства:

- капитализм ориентирован на рост, устойчивые темпы которого принципиальны для здоровья капиталистической экономической системы, поскольку лишь рост гарантирует прибыли и поддерживает накопление капитала. Это подразумевает, что капитализму приходится готовить почву для производства и роста реальных ценностей, а затем фактически добиваться их расширения, вне зависимости от того, какие это повлечёт политические, геополитические или экологические последствия. В той мере, в какой это достоинство проистекает из необходимо-

сти, оно является краеугольным камнем капиталистической идеологии, согласно которой рост есть неизбежность и благо. Кризис же в таком случае определяется как отсутствие роста;

- прирост реальных ценностей основан на эксплуатации живого труда в производстве. Это не значит, что труду достаётся мало; скорее, рост всегда обусловлен разрывом между тем, что получает труд, и тем, что он создаёт. А из этого следует, что контроль над трудом (как в процессе производства, так и на рынках сбыта) принципиально важен для максимально долгого сохранения капитализма. Одним словом, капитализм основан на классовых отношениях между капиталом и трудом. Поскольку трудовой контроль принципиален для капиталистической прибыли, динамика классовой борьбы вокруг контроля над трудом и рыночной заработной платой также является фундаментальной для траектории капиталистического развития;
- капитализму неизбежно присуща технологическая и организационная динамика. Так происходит отчасти потому, что принудительные законы конкуренции толкают отдельных капиталистов на опережающие инновации в поисках прибыли. Однако организационные и технологические изменения играют ключевую роль и в модификации динамики классовой борьбы, разворачивающейся с двух направлений — из сфер рынков труда и трудового контроля. Кроме того, если трудовой контроль принципиален для производства прибылей и становится более масштабным и определяющим способом регулирования, то в таком случае технологические и организационные инновации в регуляторной системе (такие, как государственный аппарат, политические системы инкорпорации и репрезентации и т. д.) оказываются ключевым моментом для продолжения существования капитализма. Идеология, согласно которой «прогресс» — неизбежность и благо, отчасти проистекает из этой необходимости.

Марксу удалось показать, что эти три необходимых условия капиталистического способа производства были некогерентными и противоречивыми, а следовательно, динамика капитализма неизбежно подвержена кризисам. В анализе Маркса способ, каким сочетание трёх перечисленных необходимых условий могло бы породить устойчивый и беспроблемный рост, отсутствовал. В частности, кризисные тенденции капитализма регулярно производят периодические фазы перенакопления, определяемые как состояние, когда незадействованный капитал и незадействованные трудовые ресурсы могут существовать бок о бок при отсутствии очевидного способа свести эти незадействованные ресурсы вместе ради выполнения полезных для общества задач. Об общем состоянии перенакопления будут сигнализировать незадействованные производственные мощности, избыток товаров и чрезмерный объём оборудования, избыточный денежный капитал (возможно, пребывающий в виде накоплений) и высокая безработица. Такие условия, которые преобладали в 1930-х гг. и периодически возникали начиная с 1973 г., следует рассматривать в качестве типичных проявлений тенденции к перенакоплению.

Итак, марксистская аргументация состоит в том, что тенденцию к перенакоплению при капитализме вообще невозможно устранить. Это бесконечная и вечная проблема для любого капиталистического способа производства, поэтому единственный вопрос заключается в том, каким образом тенденцию к перенакоплению можно выявлять, сдерживать, поглощать или управлять ею так, чтобы это не угрожало капиталистическому социальному порядку. Здесь мы сталкиваемся с героической стороной буржуазной жизни и политики, когда приходится делать реальный выбор ради того, чтобы социальный порядок не растворился в хаосе. Рассмотрим некоторые варианты этого выбора:

- *обесцениванием* товаров, производственных возможностей, стоимости денег (не исключено — в совокупности с прямым уничтожением) обеспечивается один из способов обращения с избытками капитала. Попросту говоря, обесценивание означает «снижение» или «списывание» стоимости капитального оборудования (в частности, заводов и машин), реализацию по сни-

женной цене избыточных запасов товаров (или их прямое уничтожение, как это было в знаменитом эпизоде со сжиганием кофейных плантаций в Бразилии в 1930-х гг.) или инфляционную эрозию покупательной способности денег в сочетании с разрастающимися дефолтами по долговым облигациям. Аналогичным образом можно обесценивать или даже уничтожать рабочую силу (увеличение эксплуатации, повышение падение реальных доходов, безработицы, более высокий уровень смертности на рабочем месте, ухудшение здоровья, снижение ожидаемой продолжительности жизни и т. д.). Во время Великой депрессии наблюдалось множество видов обесценивания и капитала, и рабочей силы, а в период Второй мировой войны этот процесс стал ещё более выраженным. Есть масса примеров и великое множество свидетельств того, что обесценивание было реакцией на перенакопление (начиная с 1973 г.). Однако за это приходится платить политическую цену, а кроме того, обесценивание бьёт по капиталистическому классу точно так же, как и по рабочим и по различным другим социальным классам, составляющим сложное современное капиталистическое общество. Определённая встряска может показаться хорошим средством, но неконтролируемые банкротства и масштабная девальвация открывают иррациональную сторону капиталистической рациональности столь жестоким образом, что это состояние нельзя долго выдержать без того, чтобы оно не повлекло за собой продолжение — какую-либо революционную, правую или левую, реакцию. Тем не менее контролируемая девальвация с помощью управляемых дефляционных мер является одной из очень важных и никоим образом не исключительных возможностей для того, чтобы справиться с перенакоплением;

- *макроэкономический контроль* через институционализацию определённой системы регуляции может сдерживать проблему перенакопления в течение существенного периода времени. Достоинство фордистско-кейнсианского режима, конечно же, и заключалось в том, что при нём можно было сформировать баланс сил (пусть и шаткий), за счёт которого механизмы, создающие проблему перенакопления, — темп технологических и организационных изменений наряду с борьбой за контроль над трудом — удавалось в значительной степени держать под контролем, тем самым обеспечивая устойчивый рост. Однако потребовался масштабный кризис перенакопления, чтобы фордистское производство было состыковано с кейнсианским способом государственного регулирования и некий тип устойчивого макроэкономического роста удалось обеспечить на сколько-нибудь длительный период. Возникновение того или иного особого режима накопления следует рассматривать — и прежде, и теперь — как результат целой серии вызванных регулярными проявлениями проблемы перенакопления политических и экономических решений, никоим образом не направленных сознательно на тот или иной специфический итог;
- *поглощение перенакопления* с помощью временного и пространственного перемещения обесценивает, на мой взгляд, более существенную и длительную, но в то же время и гораздо более сомнительную основу для того, чтобы взяться за проблему перенакопления и поставить её под контроль. В данном случае аргументация достаточна сложна своими частностями, поэтому я вновь буду полагаться на изложенное в других моих работах (см.: [Harvey 1982a; 1985b]):
  - а) временное перемещение предполагает либо переключение ресурсов с удовлетворения текущих потребностей для использования потребностей будущих, либо ускорение времени оборота (скорости, с которой денежные вложения возвращаются в виде прибыли инвестора) таким образом, что ускорение в текущем году поглощает избыточные мощности предыдущего года. Избыточный капитал и лишняя рабочая сила могут, к примеру, поглощаться путём переключения с текущего потребления на долгосрочные государственные и частные инвестиции в предприятия, физическую и социальную инфраструктуру и т. п.

Такие инвестиции поглощают избытки в настоящем лишь для того, чтобы вернуть их стоимостный эквивалент спустя длительный промежуток времени в будущем (именно этот принцип лежал в основе программ общественных работ, которые использовались, чтобы побороть состояние экономического спада 1930-х гг. во многих развитых капиталистических странах). Однако возможность для этого переключения зависит от доступности кредита и способности к «формированию фиктивного капитала». Он определяется как капитал, имеющий номинальную денежную стоимость и существующий на бумаге, но не имеющий под собой основы в смысле реальной производственной деятельности или физических активов в качестве дополнительного обеспечения. Фиктивный капитал конвертируется в реальный пропорционально сделанным инвестициям, ведущим к значительному увеличению полезных активов (например, предприятий и оборудования, которые можно прибыльно использовать) или продукции (товаров и услуг, которые можно прибыльно продать). В силу этой причины временное перемещение для использования будущих потребностей является краткосрочным паллиативом для решения проблемы перенакопления — если, иными словами, отсутствует непрерывное перемещение за счёт постоянно увеличивающихся масштабов формирования фиктивного капитала и расширения объёмов более долгосрочных инвестиций. Всё это зависит от определённого продолжительного и поддерживаемого государством динамичного увеличения долговой нагрузки. Именно таким результатом отчасти увенчались принятые после 1945 г. в развитых капиталистических странах кейнсианские меры.

Поглощение излишков с помощью ускорения времени оборота — заметная особенность недавнего периода гибкого накопления — ставит теоретическую проблему иного типа. Усилившаяся конкуренция определённо провоцирует отдельные фирмы ускорять время оборота своего капитала (те, кто показывает более быстрый оборот, скорее получают за счёт этого избыточную прибыль и тем самым легче решают проблему выживания). Однако это лишь при определённых условиях приводит к такому общему ускорению времени оборота, которое позволяет осуществить общее поглощение излишков. И даже при таком развитии событий это в лучшем случае краткосрочная паллиативная мера, если она неспособна ускорить общественное оборотное время последовательно, год за годом (данное решение в любом случае будет определённо предполагать значительное списание уже созданных активов, поскольку ускорение обычно сопровождается появлением новых технологий, которые вытесняют старые);

- b) пространственное перемещение связано с поглощением избыточного капитала и труда в процессе географической экспансии. Это «пространственное решение» (термин одной из моих прошлых работ) проблемы перенакопления включает производство новых пространств (например, за счёт инфраструктурных инвестиций), в рамках которых могут осуществляться капиталистическое производство, рост торговли и прямых инвестиций и новые возможности эксплуатации рабочей силы. Принципиальное опосредующее воздействие и здесь оказывают кредитная система и формирование фиктивного капитала, поддержанные фискальной, монетарной и при необходимости военной властью государства. Из этого также следует, что способ предыдущего использования пространств, в пределы которых расширяется капитализм, и уровни сопротивления, с которыми там приходится сталкиваться, могут иметь глубокие последствия. В некоторых местах (например, в Китае) происходило долгое и яростное сопротивление внедрению западного капитала, тогда как на других территориях (например, в Японии или — сравнительно недавно — в Гонконге, Сингапуре, а также на Тайване) господствующие, а то и подчинённые классы сами агрессивно включались в ту экономическую систему, которую они считали находящейся на более высоком уровне.



Постоянное географическое расширение капитализма было реальной возможностью и давало сравнительно устойчивое решение проблемы перенакопления. Но, поскольку прогрессирующее внедрение капитализма на планете расширяет пространство, внутри которого может возникать проблема перенакопления, географическая экспансия способна в лучшем случае выступать лишь кратковременным её решением. Долгосрочным же результатом практически определённно будет усиление международной и межрегиональной конкуренции, при этом самые жёсткие её последствия испытают на себе страны и регионы, имеющие меньше всего преимуществ;

- с) удвоенной силой в отношении поглощения проблемы перенакопления обладает, конечно же, перемещение в пространстве и во времени. На практике, а в особенности в той мере, в какой формирование фиктивного капитала (и, как правило, участие в этом государства) принципиально и для временного, и для пространственного перемещения, важную роль играет именно сочетание временных и пространственных стратегий. Типичной и мощной формой поглощения перенакопления является, скажем, заимствование денег (зачастую привлечённых на рынках капитала Лондона или Нью-Йорка путём формирования фиктивного капитала) странами Латинской Америки для создания инфраструктурных объектов длительного использования или приобретения капитального оборудования, которое поможет осуществлять производство в течение многих предстоящих лет.

Как же в таком случае фордизм разрешал внутренне присущие капитализму тенденции к перенакоплению? До Второй мировой войны отсутствовал надлежащий регуляторный аппарат для того, чтобы осуществить нечто большее, чем участие в некоторых пробных реализациях стратегии временного и пространственного перемещения (главным образом *в пределах* отдельных стран, хотя первые попытки прямых инвестиций на других континентах со стороны американских корпораций действительно начались в 1920-х гг.), и поэтому фордизм был вынужден пойти на яростное обесценивание активов того типа, которое состоялось в 1930-х и 1940-х гг. Начиная же с 1945 г., причём главным образом в качестве следствия детализированного планирования в военное время ради стабилизации послевоенного экономического порядка, возникла вполне связная стратегия накопления, выстроенная вокруг контроля над обесцениванием и поглощения перенакопления иными средствами. Обесценивание активов в ходе резких колебаний делового цикла было поставлено под контроль и низведено до того типа постепенного обесценивания за счёт запланированного морального устаревания, которое создавало сравнительно небольшие проблемы. С другой стороны, была институционализована прочная система макроэкономического контроля, которая контролировала динамику технологических и организационных изменений (главным образом за счёт могущества корпоративной монополии), сдерживала классовую борьбу (путём коллективных переговоров и государственного вмешательства) и, в целом, балансировала массовое производство и массовое потребление с помощью государственного управления. Однако этот способ регулирования не был бы столь успешным, каким он оказался, если бы не одновременное значительное присутствие и временного, и пространственного перемещения, пусть и под надзором зоркого ока интервенционистского государства.

Впрочем, к 1972 г. оказалось, что экономика США восседает на вершущке долговой горы, как жаловался тогда журнал «Business Week» (хотя с сегодняшних высот всё это выглядит как холмик, сделанный кротом; см. рисунок «Рост федерального, персонального и корпоративного долга в США и ухудшение торгового баланса США. 1973–1987 гг.» в главе 9 «От фордизма к гибкому накоплению»). Кейнсианское долговое финансирование, изначально предназначенное в качестве краткосрочного управленческого инструмента для контроля над деловыми циклами, предсказуемо вылилось в попытку поглотить перенакопление постоянным расширением образования фиктивного капитала и следовавшим за этим увеличением долгового бремени государства. Постоянный рост долгосрочных инвестиций, дирижи-

руемых государством, оказался практичным способом поглощения любых излишков капитала или труда — по меньшей мере, до середины 1960-х гг. Пространственное перемещение (в сочетании, конечно же, с долгосрочной закрепитованностью) обладало ещё более могущественным воздействием. В Соединённых Штатах радикальная трансформация экономики мегаполисов (через субурбанизацию как производства, так и жилья) и экспансия в южном и западном направлениях поглощали масштабные объёмы излишнего капитала и труда. На международном уровне принципиальную роль в поглощении излишков сыграли восстановление экономик Западной Европы и Японии, ускоряющиеся потоки прямых иностранных инвестиций и невероятный рост мировой торговли. Планирование послевоенного «мира и процветания» ещё в ходе Второй мировой войны акцентировало необходимость глобальной стратегии накопления капитала в мире, где барьеры для торговли и инвестиций постепенно сокращались, а на смену колониальному подчинению шла открытая система роста, прогресса и кооперации в рамках деколонизированной капиталистической мировой системы. Даже несмотря на то что некоторые аспекты этой программы оказались идеологичными и иллюзорными, достаточная часть этой повестки была реализована, с тем чтобы осуществление пространственной революции в мировой торговле и инвестициях оказалось возможным.

Проблему перенакопления на протяжении длительного послевоенного бума фордистский режим накопления разрешал именно за счёт пространственного и временного перемещения. Кризис фордизма поэтому в некоторой степени интерпретируем именно как исчерпание возможностей обращения с проблемой перенакопления. Временное перемещение создавало пирамиду долгов вплоть до того момента, пока единственной жизнеспособной стратегией государства не стала их монетизация. Что в результате и было сделано путём печати такого большого количества денег, которое вызвало инфляционную волну, радикально сократившую реальную стоимость прошлых долгов (тысячи долларов, заимствованные десятилетием ранее, по итогам фазы высокой инфляции обладали незначительной стоимостью). Ускорение времени оборота было нелёгкой задачей без уничтожения ценности капитальных активов. Сформировались новые географические центры накопления — юг и запад США, Западная Европа и Япония, а затем и ряд новых индустриализирующихся стран. По мере созревания этих фордистских производственных систем они становились новыми и зачастую высококонкурентными центрами перенакопления. Между географически разделёнными элементами фордистской системы усилилась пространственная конкуренция, при этом наиболее эффективные режимы (такие, как Япония) и режимы с более низкой стоимостью труда (такие, как страны третьего мира, где представления о социальном контракте с трудом либо отсутствовали, либо слабо внедрялись) ввергали другие центры в пароксизмы обесценивания путём деиндустриализации. Пространственная конкуренция усилилась, особенно после 1973 г., поскольку исчерпалась возможность разрешения проблемы перенакопления с помощью географического перемещения. Кризис фордизма был географическим и геополитическим; в той же степени это был кризис долгового бремени, классовой борьбы или корпоративной стагнации в границах любого отдельного национального государства. В конечном счёте, под давлением скрытых противоречий капитализма возможности механизмов, разработанных для контроля над кризисными тенденциями, попросту были исчерпаны. Похоже, не оставалось иных возможностей, помимо того, чтобы вновь прибегнуть к обесцениванию активов того типа, которое произошло в 1973–1975 гг. или в 1980–1982 гг., в качестве первоочередной меры обращения с тенденцией к перенакоплению, кроме возможности создания какого-то иного режима капиталистического производства более высокого порядка, который обеспечил бы твёрдую основу для дальнейшего накопления в глобальном масштабе.

Гибкое накопление в данном случае, похоже, соответствует простой перекомбинации двух обозначенных Марксом базовых стратегий обеспечения прибыли (прибавочной стоимости). Первая из них, определяемая как *абсолютная* прибавочная стоимость, базируется на удлинении рабочего дня для его соответствия заработку, необходимому для обеспечения воспроизводства рабочего класса при некоем сложившемся уровне жизни. Тот сдвиг в направлении увеличения рабочего времени в совокупности

с общим снижением уровня жизни либо за счёт эрозии реальной заработной платы, либо благодаря перемещению корпоративного капитала из регионов с высокими зарплатами в регионы с низкими зарплатами фиксирует один из аспектов гибкого накопления капитала.

По этой причине многие стандартизированные производственные системы, созданные в условиях фордизма, переместились далеко от центра, сформировав «периферийный фордизм». Даже новые производственные системы, стандартизируясь, имели тенденцию перемещаться из их инновационных колыбелей в третий мир (в качестве примера можно привести перемещение компании Atari в 1984 г. из Кремниевой долины в Юго-Восточную Азию с её дешёвой рабочей силой).

В рамках второй стратегии, известной как *относительная* прибавочная стоимость, организационные и технологические изменения запускаются для того, чтобы получить временные прибыли для инновационных фирм и иные виды прибыли по мере снижения издержек на товары, которые определяют уровень жизни трудящихся. И здесь быстро распространяющееся засилье инвестиций, которые сокращали занятость и издержки на труд во всех отраслях — от угледобычи и производства стали до банкинга и финансовых услуг, — было совершенно очевидным аспектом накопления капитала в 1980-х гг. Однако опора на эту стратегию выводит на первый план высококвалифицированную рабочую силу, а также способность понимать новые и при этом гораздо более гибкие модели технологических инноваций и рыночных ориентаций, внедрять их и управлять ими. По мере того как капитализм всё больше зависит от мобилизации сил интеллектуального труда в качестве механизма дальнейшего накопления, внутри рабочей силы возникает высокопривилегированная и в некоторой степени могущественная группа.

Разумеется, имеет решающее значение именно тот специфический способ, каким сочетаются и подпитывают друг друга абсолютная и относительная стратегии. Интересно, что использование новых технологий настолько высвободило излишки рабочей силы, что возрождение абсолютных стратегий для обеспечения прибавочной стоимости стало более ощутимым даже в развитых капиталистических странах. Возможно, ещё более неожиданным было то, каким образом новые технологии и координирующие формы организации обусловили возрождение домашних, семейных и патерналистских трудовых систем. Маркс был склонен рассматривать их как уклады, которые будут либо выдавлены из бизнеса, либо доведены до такого состояния масштабной эксплуатации и бесчеловечной каторги, что их не потерпят при передовом капитализме. Возрождение потогонки в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе, надомной и «удалённой» работы, а также бурный рост неформального сектора трудовых практик во всём развитом капиталистическом мире в действительности является собой весьма печальный взгляд на, казалось бы, прогрессивную историю капитализма. В условиях гибкого накопления всё это выглядит так, будто альтернативные системы труда способны существовать бок о бок в одном и том же пространстве таким образом, что капиталистические предприниматели могут выбирать между ними по собственной воле (см. таблицу «Различные формы трудового процесса и организации производства» в главе 9 — «От фордизма к гибкому накоплению»). Один и тот же дизайн футболок делают крупные фабрики в Индии, производственные кооперативы в «Третьей Италии», потогонки в Нью-Йорке и Лондоне или семейные системы труда в Гонконге. Эkleктика трудовых практик выглядит почти таким же признаком нашего времени, как эkleктика постмодернистских философий и вкусов.

Однако, вопреки различию контекста и специфических характеристик приведённых примеров, в марксовом описании логики капиталистической организации и накопления присутствует нечто совершенно обязательное и актуальное. Новое прочтение его объяснений, содержащихся в «Капитале», задевает за живое и становится определённым стимулом для осознания происходящего. В книге Маркса мы обнаруживаем и те способы, какими фабричная система может пересекаться с системами производства на дому, в мастерской и с ремесленной системой, и то, каким образом резервная промышленная армия мобилизуется в качестве противовеса силе рабочих по вопросам трудового контроля и уровня

заработных плат, и то, как интеллектуальные силы и новые технологии используются для уничтожения организованной мощи рабочего класса, и то, как капиталисты пытаются поощрять дух конкуренции среди рабочих, одновременно постоянно требуя гибкости планирования, распределения и подхода к производственным задачам. Мы также вынуждены принимать во внимание то, каким образом всё это создаёт возможности, а заодно опасности и сложности для представителей рабочего класса, именно потому, что капиталистам все сложнее устанавливать контроль над образованием, гибкостью и географической мобильностью, как только они появляются у рабочих.

Даже несмотря на то что нынешние условия отличаются от прошлых во многих отношениях, несложно разглядеть, каким образом инвариантные элементы и отношения, которые Маркс определял как фундаментальные для любого капиталистического способа производства, по-прежнему просвечивают сквозь все пустословие и эфемерность, столь характерные для гибкого накопления, причём во многих случаях ещё ярче, чем прежде. В таком случае является ли гибкое накопление чем-то большим, нежели дешёво приукрашенной версией той же, что и обычно, старой истории капитализма? Это было бы слишком простым заявлением, в котором капитализм рассматривался бы внеисторически, в качестве нединамичного способа производства, тогда как всё (включая явные основания, заложенные Марксом) свидетельствует о том, что капитализм — это постоянно действующая революционная сила мировой истории, сила, которая все время переформирует мир в некие новые и зачастую совершенно неожиданные конфигурации. Гибкое накопление оказывается, по меньшей мере, именно некоей новой конфигурацией и в таком качестве требует от нас пристального, внимательного и серьёзного рассмотрения его проявлений при одновременном и надлежащем использовании тех теоретических инструментов, которые разработал Маркс.

## Литература

Halal W. 1986. *The New Capitalism*. New York: John Wiley.

Harvey D. 1982. *The Limits to Capital*. Oxford: Basil Blackwell.

Harvey D. 1985a. *Consciousness and the Urban Experience*. Oxford: Basil Blackwell.

Harvey D. 1985b. The Geopolitics of Capitalism. In: Gregory D., Urry J. (eds) *Social Relations and Spatial Structures*. London: Macmillan; 126–163.

Harvey D. 1985c. *The Urbanization of Capital*. Oxford: Basil Blackwell.

Lash S., Urry J. 1987. *The End of Organised Capitalism*. Oxford: Polity Press.

Swyngedouw E. 1986. The Socio-Spatial Implications of Innovations in Industrial Organisation. *Working Paper*. No. 20. Lille: Johns Hopkins European Center for Regional Planning and Research.

## NEW TRANSLATIONS

David Harvey

# The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change (an excerpt)

**HARVEY, David** —  
Distinguished Professor  
at Graduate Center,  
City University of New  
York. Address: 365 Fifth  
Avenue, New York,  
NY10016, USA.

**Email:** [dharvey@gc.cuny.edu](mailto:dharvey@gc.cuny.edu)

### Abstract

The book by David Harvey, *The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change*, presented deep research into the nature of postmodernism, considered not as a set of ideas but rather as historical conditions. The author claimed that roughly since 1972 cultural as well as political and economic practices changed globally, including the rise of postmodern cultural forms and the emergence of flexible capital accumulation. According to the author, those changes were conditioned by the new prevailing modes of how people experienced time and space, indicating the new cycle of time-space compression in the organization of capitalism. The book consists of four parts. In the first part, Prof.

Harvey reviewed the dominating but conflicting theories of postmodernism. In the other chapters he considered the relationship between the dynamics of the historical and geographical development of capitalism, complicated processes of cultural production, and ideological transformation.

*The Journal of Economic Sociology* publishes the tenth chapter, “Theorizing the Transition,” from the second part of the book, “The Political-Economic Transformation of Late Twentieth-Century Capitalism.” In this chapter, the author demonstrated that existing theories had difficulties in explaining the observed historical transition from Fordism to flexible accumulation. In order to overcome these problems, Harvey proposed a return to capitalism's origins to reconsider its logic generally with the help of Marx's theories.

**Keywords:** space; time; capitalism; postmodern; labour; cultural change.

### References

Halal W. (1986) *The New Capitalism*, New York: John Wiley.

Harvey D. (1982) *The Limits to Capital*, Oxford: Basil Blackwell..

Harvey D. (1985a) *Consciousness and the Urban Experience*, Oxford: Basil Blackwell.

Harvey D. (1985b) The Geopolitics of Capitalism. *Social Relations and Spatial Structures* (eds. D. Gregory, J. Urry), London: Macmillan, pp. 126–163.

Harvey D. (1985c) *The Urbanization of Capital*, Oxford: Basil Blackwell.

Lash S., Urry J. (1987) *The End of Organised Capitalism*, Oxford: Polity Press.

Swyngedouw E. (1986) The Socio-Spatial Implications of Innovations in Industrial Organisation. *Working Paper*, no 20, Lille: Johns Hopkins European Center For Regional Planning and Research.

**Received:** January 8, 2020

**Citation:** Harvey D. (2020) Sostoyanie postmoderna: issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy [The Condition of Postmodernity. An Enquiry into the Origins of Cultural Change (an excerpt)]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 21, no 2, pp. 62–75. doi: [10.17323/1726-3247-2020-2-62-75](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2020-2-62-75) (in Russian).